

СЕРГЕЙ ЧЕРНОПЯТОВ

**ЧЕРЕЗ ПОРОГ
ПЕРЕШАГНЁШЬ,
КАК КОСМОНАВТ...**

С Т И Х И
для детей

Кемерово, 2019
РПА «Ректаймс»

ББК 84(2Р=Рус)6

Ч-49

Чернопятов Сергей Васильевич.

**Через порог перешагнёшь, как космо-
навт...: Стихи/ С.В. Чернопятов. – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2019. – 72 с.**

Составители: Горохова Т.А., Карпова Г.И.

Редакторы: Арнаут В.С., Бурмистров Б.В.

Художественное оформление обложки:

Янченко С.А.

Как близко всё и знакомо в стихах Сергея Чернопятова. Моё послевоенное детство, чуть позже детство автора этой книги перекликаются с сегодняшними днями. Порой наивно звучат строки стихов, но как трогательно и душевно. Те годы были достаточно трудными: конфеты, сахар детям по праздникам, мандарины только в Новый год...

Но отношения между людьми были более доброжелательнее, помогали друг другу и в беде и в радости. Читаю и вижу свой Кировский район, бараки, берёзовая роща. Летний сад, клуб «Заря» и так щемит и так явно наплывают воспоминания о детстве, юности. Много мотивов, сюжетов районного масштаба, но и много что происходило с нами, происходило и во всей России. Непростое, но всё-таки прекрасное наше детство. И в стихах Сергея Чернопятова – добрая память давних лет...

*Бурмистров Борис Васильевич,
член Союза писателей России,
председатель правления Союза писателей Кузбасса*

Дорогие друзья!

В данный стихотворный сборник вошли стихи, опубликованные в четырёх книгах Сергея Васильевича Чернопятова – «Словно родом был из Рая...», «Тишина нужна стихам...», «Падение исключено...», «Оставьте мне злобу дня!». Все стихи этого сборника, так или иначе, обращены именно к вам, юные почитатели литературы. Сергей Васильевич – большой любитель и ценитель книги, с которой дружит уже много-много лет. И книга для него не просто бумага с напечатанным текстом, а верный друг, учитель, умный собеседник, поэтому он трепетно относится к книге вообще и к литературе в частности. Свою любовь к окружающему миру, к близким людям передаёт через поэтические строки, чем и делится со своими читателями. Разговор в стихах с племенем младым очень нужен поэту:

*У меня есть желание ценное,
Потому, что иного нет выбора:
Достучаться до поколения,
Поколения – Джастина Бибера.*

В стихах Сергея Чернопятова нет нравочений, нет призывов стать добрыми и хорошими. Зато в них есть сострадание, сопереживание, а это уже не так мало и, наверное, это гораздо больше, если сердце твоё становится зорким, а душа – чуткой. И если, читая стихи Сергея Чернопятова, вы, дорогие юные читатели, где-то улыбнётесь, где-то попечалитесь, а где-то и омоее лицо чистой слезой, то знайте – ваша душа затрепетала и отозвалась на прочитанное слово. А значит, она живая! Береги её! Наполняйте душу радостью и светлым словом.

Татьяна Горохова

Отодвинув привычно штакетник,
Голопузый ко мне лезет друг.
Прижимая к груди, пять ранеток –
Всё, что дал самый низенький сук.

Между грядок прошли косолапо
Мы за баню малины порвать.
И рассказ он вчерашний о папе –
О подводнике стал продолжать.

Открывал мне военные тайны,
Поглощающий ягоды рот:
О незримом своём капитане,
Прославляющим подвигом флот.

Моряком был отец Севки с Костей,
А Валеркин – во льдах замерзал.
Только мой, ну совсем не геройски,
У ворот заводил самосвал.

Почему я, имея машину,
Слушал, веруя лучшей из вер:
Как мою уплетая малину,
Заливает мне юный Жюль Верн?

Отложив в сторонку книгу,
Рассказать просил я папку,
Как он Волгу перепрыгнул*,
Разбежавшись, с длинной палкой.

В скучный вечер зимний, вьюжный,
На крючки закрыв все двери,
Перед сном любил я слушать
О житье на Селигере.

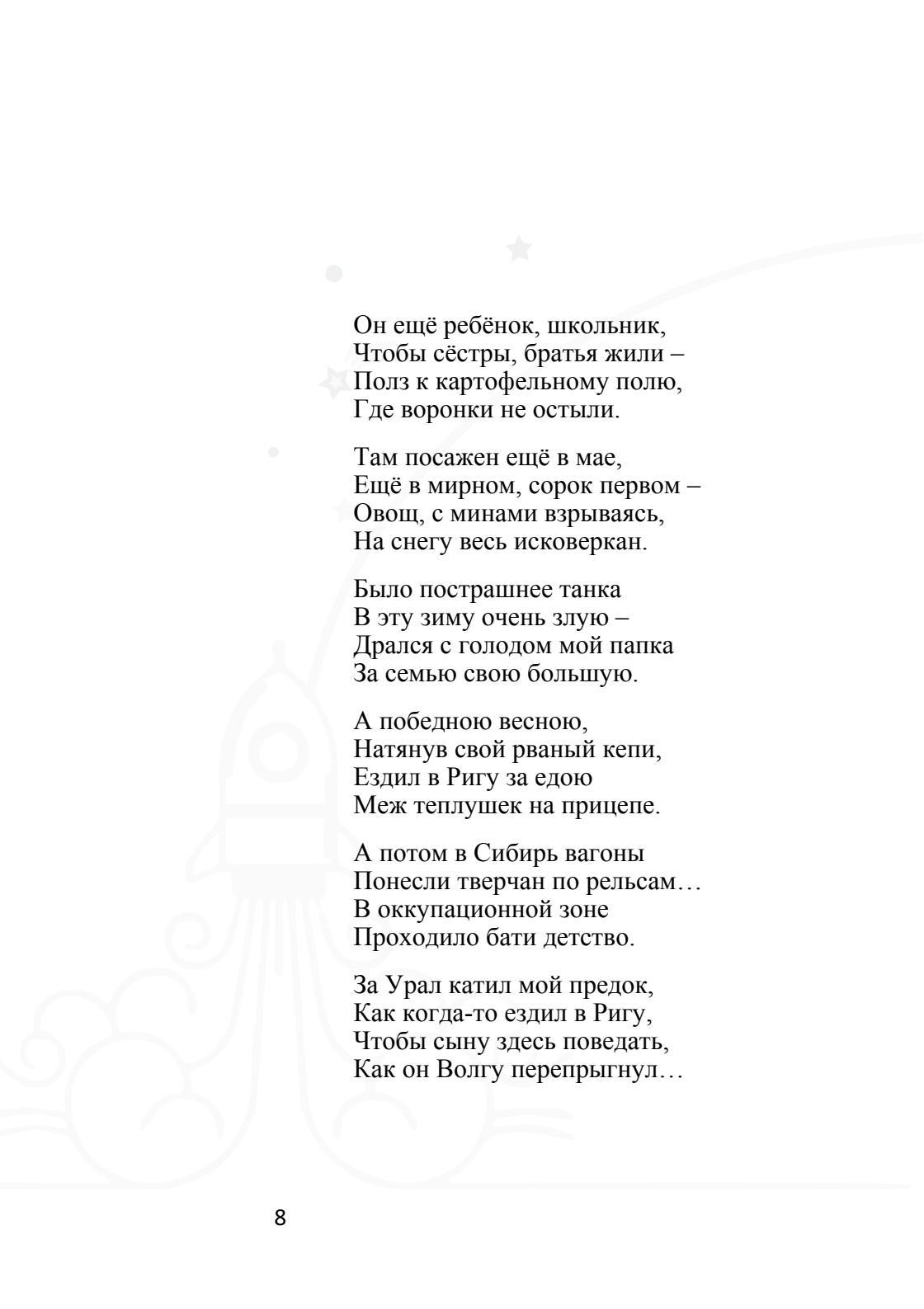
Под гармошки песнь лихую,
Как он правил сельским стадом;
Без отца семью большую
Поднимал со старшим братом.

В битве без вести пропавшим,
Где, в каких краях зарыли?
И, по счастью, не узнавший,
Как в село враги входили...

В речи лающей, утробной
(В страхе семеро по лавкам)
Папе врезалось до гроба:
«Матка», «млеко», «брут унд яйко».

Хорошо, что слёзы сохнут,
Думал он, на всё готовый,
Наблюдая, как под хохот
Фрицы резали корову.

* Из озера Селигер берет исток маленьким ручейком река Волга.

Он ещё ребёнок, школьник,
Чтобы сёстры, братья жили –
★ Полз к картофельному полю,
★ Где воронки не остыли.

Там посажен ещё в мае,
Ещё в мирном, сорок первом –
★ Овощ, с минами взрываясь,
★ На снегу весь исковеркан.

Было пострашнее танка
В эту зиму очень злую –
Дрался с голодом мой папка
За семью свою большую.

А победною весною,
Натянув свой рваный кепи,
Ездил в Ригу за едою
Меж теплушек на прицепе.

А потом в Сибирь вагоны
Понесли тверчан по рельсам...
В оккупационной зоне
Проходило бати детство.

За Урал катил мой предок,
Как когда-то ездил в Ригу,
Чтобы сыну здесь поведать,
Как он Волгу перепрыгнул...

Моей первой учительнице

Я маме выдал свой секрет,
Когда сам дважды стал родитель,
Что в школе я, в свои семь лет,
Впервые Женщину увидел.

Не за стиральной доской,
Не с чугунком и не с ухватом,
Не в бигудях, в глазах с тоской,
В халате стареньком, помятом.

Из книг ли вышла, не спеша,
Из детских сказочных картинок?
От трона ль царского сошла,
Походкой с грацией старинной?

В волос короне золотой,
В бордовом платье строгом с брошью.
Погладив ласковой рукой,
Произнесла: «Пиши, Серёжа».

И я писал, иль делал вид,
Что ставлю палочки с наклоном,
А темя до сих пор хранит
Тепло той царственной ладони...

Каникулы

В избе натопленной каникулы гостили.
Шкварчало сало в сковородке на огне,
Комочек теста руки бабушки месили
Под физзарядку из тарелки на стене.

И я на койке потянулся, а не в классе.
На десять суток, кроме книжек, я ничей.
На этажерке Стивенсон, Дюма в запасе,
Бабули взгляд, теплее солнечных лучей.

Мои друзья – герои снежных кувырканий,
Кричат за окнами: «Серёга, выходи!»
Но я с лепёшкой и двумя экю в кармане
Уже не дома, а к Парижу на пути.

И вот сейчас, когда заледенели чувства,
Проснётся память вдруг и сердце ободрит.
К кому-то стая тех деньков моих французских
С таким курлыкающим именем летит.

Зимние каникулы

Румяных горку шанежек настряпав.
Ваяет бабушка для скатерти узор.
А я пытаюсь с книжкой под лампой
Помочь покрасить Тому Сойеру забор.

На Миссисипи отыщу фарватер,
Забыв за окнами Рождественский мороз
Спасу от линча бедного мулата,
Решая сходу Афро-Штатовский вопрос.

Нет лучших в мире красок для каникул
Чтоб в них вместилась эта радость выше крыш,
Как написать тот снег, что за ночь выпал,
В который ты с зарёю утренней летишь.

Лишь в сумерках тяжёлою походкой
Через порог перешагнёшь, как космонавт.
Скафандр, сшитый из ледовой корки,
К печной духовке ты поставишь, а не в шкаф.

Я сам себе юным приснился

*Посвящается любимым внукам
Арине, Гордею, Максиму*

Я сам себе юным приснился,
И память стыдом обожгла:
Как я на бабулю сердился
За то, что к двери долго шла!

Больною ногой запинаясь
О старенький половичок,
Свой слух никудышным ругая,
Она поднимала крючок.

Сказала с любовью и болью,
С любовью, что вся для внучат:
– Случится, что я не открою,
Как долго бы ты не стучал.

Сейчас бы я полз, как Маресьев,
Чтоб детства загладить вину!
Сейчас бы машину Уэллса,
Хотя бы на десять минут!

В тот день и в тот век не вернуться.
Но мне бы – лишь миг той поры...
Чтоб в бабушкин фартук уткнуться,
Так долго идущей к двери.

сентябрь 2014 г.

Разве может выразить язык,
Как я на границе двух веков
Болен стал судьбой бродячих книг,
Мерзнущих у мусорных бацков.

Помнится, счастливый из людей,
Я талон ладонью обнимал,
Кипы пожелтевших новостей,
Сдав за вечно юного Дюма.

Нежно благодарен тем дворам,
Где преподносили мне дары, –
Двадцать вожделенных килограмм.
В пять часов утра был сто вторым.

Кто-то ищет крышу для котят,
Я же объявление крою:
«Нужен дом, в котором приютят
Молодость бумажную мою».

А бывает – в июле по коже мороз!
Проходя мимо мусорных баков,
На заре я увидел, как кто-то принёс
Голубой школьный глобус на свалку.

Не желаю врагам экспозиций таких,
Цепенею, как после наркоза.
Океаны безбрежные, материки,
Полюса в запылённых отбросах.

Неужели конец, неужели цейтнот!?
Время нет, чтоб проснуться народам!
Лишь мгновенье ещё, пока кто-то снесёт
Нашу землю вот так же в отходы.

июль 2013 г.

В пионерлагере

Вновь первая смена,
Субботою светит.
Но только ко мне
Вновь никто не придет –
Весёлый и резвый,
Я стану угрюмый,
Меж прутьев железных
Свой чубчик просунув,
Смотреть, как ребята
Уходят на волю –
Кто с мамой, кто с братом –
К цветочному полю.
Свой взгляд неумелый,
Неловкий, бросают,
С собою несмело
Меня зазывают.
И там расстилают
Салфетки, газеты...
Они поглощают
Клубнику, конфеты.
А лакомство это
Запить ещё надо
Прохладным и резким
Таким лимонадом.
Отряд наш геройский
Зовут «Бригантиной»,
Он снова мой остров
Оставит пустынным.

март, 2018 г.

Как в детстве бежали ребята
За хохотом в кинотеатры!
А есть ли хоть что-то на свете
Смешнее французских комедий?!

И кто мог признаться из класса:
Пугается, мол, Фантомаса?
С ним можно успешно бороться –
В нём Жана Маре благородство.

В кино – и погони, и взрывы.
Но дети не за детектива
И не за тупых полицейских,
А за гениальность Фюнеса!

А монстр, сошедший с экрана,
Европе расставил капканы.
Опять Фантомасом зал взорван,
Сейчас бы на помощь Фандора!

Но прошлого века герои
Ушли к звёздам млечной тропею,
Оставив для битвы с кошмаром
Киношных, смешных комиссаров.

сентябрь, 2017 г.

Я рвался к ней, минуя лавочки, фонтаны,
Не брал попутно ни цветы, ни шоколад.
Кинотеатр с фильмом широкоэкранным
Совсем не мне предоставлял последний ряд.

Не помню первый кто, краснея и стесняясь,
В минувшем веке прошептал: «Давай дружить!»
Там, где бетонный потолок пробить стараясь,
Стремятся в небо, задыхаясь, стеллажи.

Там, под присмотром строгих дам, интеллигентных,
Я находил ту, что была милее всех!
Одними взглядами мы с ней, как резиденты.
Тогда общались на нейтральной полосе.

Она меняла коленкоры ежедневно.
Но все равно, в любой обновке узнавал
Свою подругу я, пусть даже в платье Евы,
Пусть без обложки – нежно гладил и листал.

Она не раз ещё свой адрес поменяет.
Найду, по имени, как прежде позову.
И успокою, пусть не думает родная,
Что с электронной мне готовят рандеву

Экрану-сводне подобрать не самых глупых
Труда не стоит, нужно только заплатить.
Но книг по вызову – таких легкодоступных,
Смогу навряд ли я, когда-нибудь любить.

Как птицы, пойманные в клетке,
Зажатые меж классных стен,
Мы щебетали для отметки
Про свежий ветер перемен.

Под взглядом строгим педагога
Сдав все зачёты на показ.
Уже не помнил за порогом
Страданья классика наш класс.

И сколько дней, как в Лету, канет,
Десятилетия пройдут,
Пока на истинный экзамен
Однажды нас не позовут.

Не всех, а тех, кто с книжкой вечно,
Кто и на людях одинок –
Тому припомнится, конечно,
Сердца негреющий урок.

Как тот, кто чести был невольник,
Все эти сорок пять минут,
С портрета морщился от боли
У рамки бронзовой в плену.

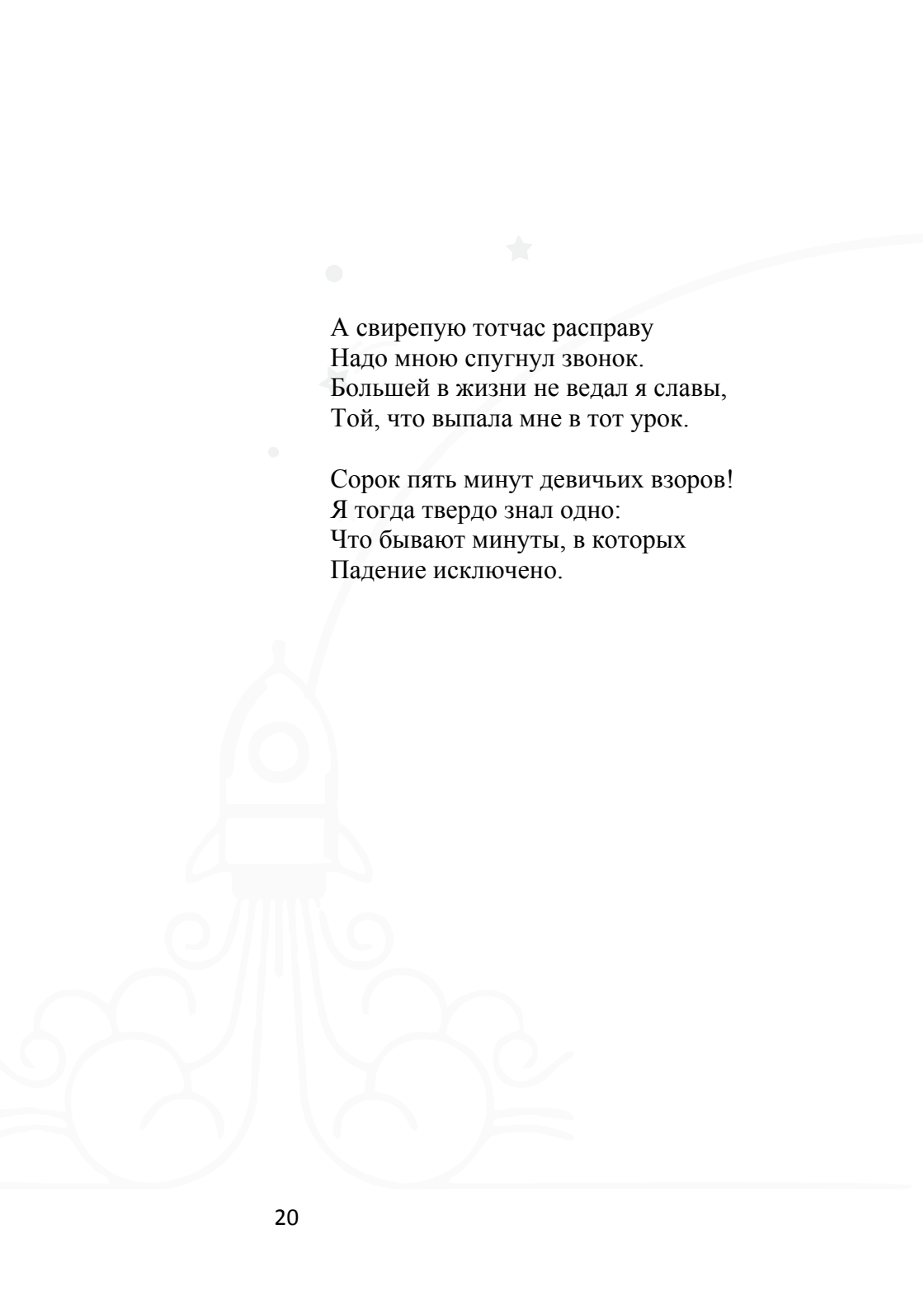
Помню, в школе текли бесконечно
Те мгновения перемен,
Одноклассник со мной все подсечки
Отрабатывал возле стен.

Бил и с левой ноги он, и с правой,
Улыбаясь всегда смотрел,
Как ему, поддаваясь исправно,
Всякий раз я на пол летел;

Но однажды в компании шумной
Я увидел среди учениц
Ту одну, пред которой не думал
Опускаться до половиц.

То, что спарринг его под угрозой,
Не заметил мучитель мой –
С высоты двухметрового роста
Сам свалился перед толпой...

И от хохота класс мой взорвался,
Это было всё, как в кино!
И всех звонче она смеялась,
О которой мечтал давно.

А свирепую тотчас расправу
Надо мною спугнул звонок.
Большей в жизни не ведал я славы,
Той, что выпала мне в тот урок.

Сорок пять минут девичьих взоров!
Я тогда твердо знал одно:
Что бывают минуты, в которых
Падение исключено.

Акулы, спруты, голубые скаты,
Лагуны изумрудных островов,
Ладоней кожа рвется о канаты,
Под выдохи звереющих штормов.

И бригантина, материк минуя,
С фортуною давно порвала нить,
Кто наскочить на рифы не рискует,
Тому и ром под парусом не пить.

И у штурвала не на жизнь, а на смерть,
С протезом, с попугаем на плече
Стоит он, и над волнами: «Пиастры»!
Сверкает слово ярче всех речей.

И я там был на вахте у канатов,
И в то же время в классе вел борьбу,
Корпел над скучным первым вариантом
Контрольной, про бассейны и трубу.

Решить задачу! Лучше уж казните.
На рее, чтобы был другим урок,
И в Сильвере мне виделся учитель,
Пиратом представлялся педагог.

Русский бриг «Меркурий»

«26 мая 1829 года бриг «Меркурий» выиграл сражение у двух самых быстрых турецких кораблей 18 орудий против 200, потеряв четырёх моряков».

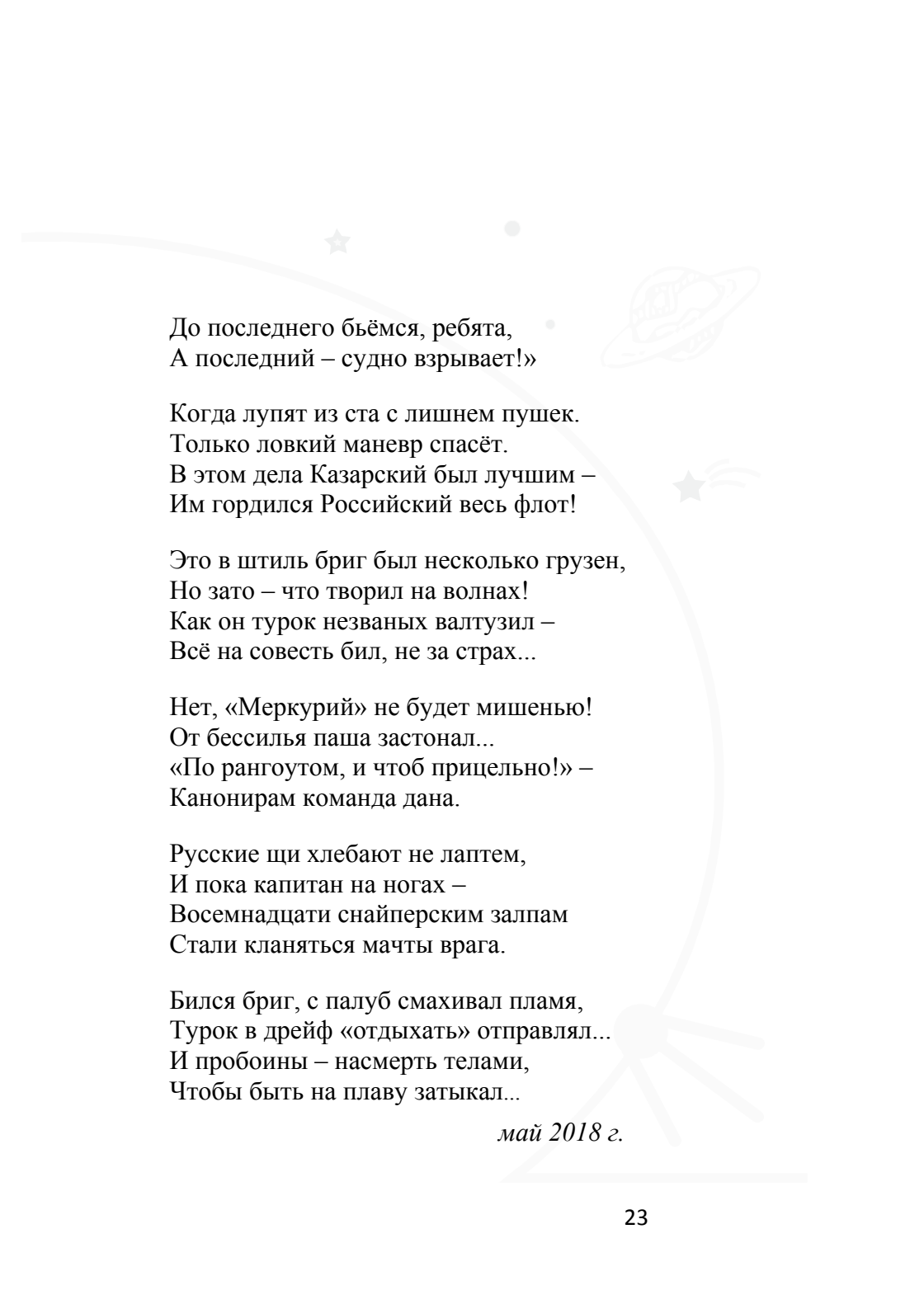
Дело было в Босфорском проливе.
Два турецких линейных судна –
«Реал-Бей», а другой – «Селемие»
Догоняли «Меркурий», шутя.

Но, на вёслах от этой громады
Не уйти, ох, далёко земля!
На совете решает команда:
«Будем драться за честь корабля!

Корабля, что брал крепости «Варна»,
«Инада», «Бурчак» и «Сизополь»,
А на мостике был капитаном,
О котором пел Севастополь –

Александр Иваныч Казарский –
Награждён саблей золотою,
Никогда в плен врагу не сдавался,
Как всегда, он скомандовал: «К бою!»

Океан времени до заката...
«Ну, посмотрим, кто лучше стреляет,

До последнего бьёмся, ребята,
А последний – судно взрывает!»

Когда лупят из ста с лишнем пушек.
Только ловкий маневр спасёт.
В этом дела Казарский был лучшим –
Им гордился Российский весь флот!

Это в штить бриг был несколько грузен,
Но зато – что творил на волнах!
Как он турок незваных валтузил –
Всё на совесть бил, не за страх...

Нет, «Меркурий» не будет мишенью!
От бессилья паша застонал...
«По рангоутом, и чтоб прицельно!» –
Канонирам команда дана.

Русские щи хлебают не лаптем,
И пока капитан на ногах –
Восемнадцати снайперским залпам
Стали кланяться мачты врага.

Бился бриг, с палуб смахивал пламя,
Турок в дрейф «отдыхать» отправлял...
И пробоины – насмерть телами,
Чтобы быть на плаву затыкал...

май 2018 г.

Урок к звонку катил на тормозах,
Доска висела неприлично чистой.
Седой учитель с горечью в глазах
Рассказывал, как воевал танкистом.

Такую боль он вкладывал в рассказ,
Войны отдернув розовую штору,
Что слышались и гусеницы лязг,
И с матерком рычание мотора.

И нет уже ни класса, ни доски,
Ни нас, еще пока на этом свете.
Есть только в русском танке пареньки.
Пылающие летом в сорок третьем.

Под Курском битву оборвал звонок,
Восторгом заглушая канонаду.
И хмурит брови старый педагог,
Что тему задавать придется на дом...

Над рекою дом из сруба.
На чердак я лезу с книжкой.
А под вечер – танцы в клубе
И медяк с девчонкой рыжей.

Та, которую я в сенях
Целовал так неумело...
Было лето в наше время,
И весна в ручьях звенела.

январь, 2017 г.

От горна звучного над задремавшим лесом,
Или от «Зорьки пионерской» по утрам —
Оно пришло ко мне в эпоху эсэмэсок,
Давая пищу ностальгическим стихам.

Костры, палатки и серебряные струны...
Девчонку с косами напомнило словцо —
Всё, чем обязана моя шальная юность
«Социализму с человеческим лицом».

Рафаэль в нагрузку

Взгляд мадонны особенно грустный
Я узрел под стеклом на бегу,
Рафаэль к «Комсомолке» в нагрузку
Шёл в ларьке нынче по пятаку,

Я к бойнице киоска протиснусь,
Чтобы выплыл пусть на желтизне
Долгожданный такой флорентиец
Из окошечка в руку ко мне.

Как страдающему от удушья.
Облегчающая жизни путь,
Кислородная эта подушка
Даст мне времени передохнуть;

И, купаясь во взгляде бездонном.
От докучливых глянцеv устав,
Обниму фолиант, как мадонна
На груди обнимает Христа.

На бабочку сквозь микроскоп глядеть –
Не стоящее дело и не наше.
Ты дай ей над цветочком пролететь,
Взгляни, как она крылышками машет!

Да нет, не крылья это, а глаза
Раскрылись нежно над душистой мятой.
Растаяла, закапала роса
От теплоты доверчивого взгляда.

И я пытаюсь, пытаюсь, не шуметь,
На цыпочках уйду к другой поляне.
Лицом к лицу – лица не рассмотреть,
Есть прелести свои у расстоянья.

октябрь 2016 г.

Детсадовское

Грусть на лицах у девочки с мальчиком.
Опустела давно группа средняя.
Как старик со старушкой на лавочке,
Те, кого забирают последними.

Робот в варежках мальчика ёрзает.
Кукла к девочке все прижимается,
Пусть за ними пришли б только взрослые,
Им не надо кричать: «Что копаешься!»

Все завязки на шапках завязаны,
И на курточках кнопки застёгнуты,
И сидят они, будто наказаны,
Как игрушки их – куклы и роботы.

Только сбудется всё-таки праздник у них,
Скрипнет дверь – и улыбки победные!
Только вот повзрослеют быстрее остальных
Те, кого забирают последними.

Как жадно в детстве я просил, чтоб обратили
Мои родные взор на чудный василёк.
Но, бросив быстрый взгляд, они меня учили
Произносить такое трудное – «цветок».

С тех пор прошли года. И чётче Левитана
Любые я озвучу трудные слова.
Но окружающим не видна, как ни странно,
Ни гладь озёрная, ни вся в меду трава.

Я стал поэтом. Людям прокричал: «Смотрите,
На небе россыпи поведать что хотят?»
Но почему-то ясных звёзд никто не видит,
И лишь на палец мой, как в детстве, все глядят.

Я со внучкой, не скучая,
Фильм смотрел любимый наш.
И она как бы случайно
Уронила карандаш.

И – под стол: «Дед, поищу я».
Мне ж не надо объяснять:
На экране – поцелуи
Нужно было переждать.

Эту милую уловку
Я занёс к себе в актив,
Ведь и мне, порой, неловко
Что-то видеть на пути:

Как у жизни, на задворках,
Ветераны тянут срок.
Птицей-страусом мне б впору
Сунуть голову в песок.

А потом смотрю: борщ стынет,
Рюмка водки. Что за блажь?
Слава Богу, что войны нет,
И... роняю карандаш.

Наблюдаю в детсаду

Два мальчика елозят по ковру,
Один с корабликом в руках,
Другой с ракетой.

Два мальчика хотят играть в войну
И время есть у них пока
Вплоть до обеда.

Есть воспитатели, они следят,
Чтобы в момент солдат разнять
Во время ссоры.

Но вдруг увидел я другой «детсад»,
Где пацаны давно шалят,
И без присмотра.

С огнём они затеяли игру
Недетскую и на глазах
У всей планеты...

Два мальчика елозят по ковру.
Один с корабликом в руках.
Другой с ракетой.

сентябрь, 2017 г.

Я от него о жизни многое узнал:
То, что едой платить труднее, чем деньгами.
Мне в детсаду нести охрану помогал
Четырёхлапый друг с янтарными глазами.

Как в сказке старой, то налево он ходил,
Чтоб о подружке рассказать урчаньем сонным;
Направо – кухня, там всё песню заводил,
Что заработался, устал, опять голодный...

Кот, как и я, порой, на вахте изнывал
От тишины, так оглушающе ревушей.
Тогда он лучшей в мире грелкой согревал
Меня, пушистым калачом тугим свернувшись.

Что человека он любого выше был –
Об этом знали в яслях маленькие дети,
И потому нечеловеческий схватил
Он срок за ёлку, на которую пометил.

И сшито дело было, вынесен вердикт,
И вот уж бусинки-глаза в окне машины...
И в оправданье не был принят ни инстинкт,
Ни склад спасённых овощей от зуб мышиных.

А за окошком – пеленой январский снег.
И хоть мне очень одиноко вечерами,
Я греюсь мыслью, как готовит свой побег
Четырёхлапый друг с янтарными глазами.

Я у дядьки на скамейке
Взял щенка из синих рук.
Девяносто три копейки
Стоил мне мой лучший друг.

Не боксер и не ротвейлер,
На груди моей визжал.
Но со мной любой Рокфеллер
По богатству б проиграл.

Он один слезе горячей
На щеке моей внимал
И отцовскую заначку
Из подстилки вынимал.

Выйду в старую аллею,
Может быть, совсем не зря —
Мне сегодня семь копеек
Не хватает до рубля.

По голой роше
Рыжая хромает,
Как апельсин,
Собака на снегу.

Ещё не тощая,
Ещё совсем ручная,
Идёт меж льдин
И через «не могу».

И у меня
Вдруг холодок по коже,
Картинка в рамке,
Подпись «Одинок»...

Ведь это я,
Но чуточку моложе...
Свою хозяйку
Потерял щенок.

Учись оскалу –
Он тебе поможет,
Да и клыки
Даны тебе не зря.

Уж я-то знаю:
На людей похожи
Твои
Четвероногие друзья.

В лифте

Я его, с нетерпением, снова дождусь,
Гладких стен, что в автографах звучных.
И в объятии их, как всегда прокачусь,
Ездить грамотным в лифте не скучно.

Благо, времени воз – так высок мой этаж.
И как будто филолог капризный,
Изучаю соседей словарный багаж,
Весь их минимум, нужный для жизни.

И казалось, что фразам мертвящим, пустым
Ни конца уже нет, и ни края...
Этажом перед пятым, а может шестым
Строчка в самом углу оживляет...

Словно в знойной пустыне глоток ключевой
Предложили испить мне водицы –
Нацарапан призыв чьей-то детской рукой:
«Мух не бейте, они ведь как птицы!»

Он такой, как в мультфильме про Кешу –
Домосед и покушать любитель.
От усов до хвоста обуревший,
Не желающий жить на Таити;

Древним Сфинксом глядит, прощелыга,
На гипноз всё меня проверяет,
Чтоб пополнилась Гиннеса книга.
Холодильник с утра осаждает.

Если вдруг не открою я дверку,
Он в зубах мне приносит синичку,
Выкупаю её за сардельку,
За котлету, за сыр, за яичко...

И опять ползарплаты накрылось
Загребущею лапой когтистой.
Чем меня подкупить умудрилась
Эта морда, с душой шантажиста?

Всех полётов моих и падений
Был свидетелем зверь желтоглазый,
Терапевт мой, врачующий ленью,
И урчаньем: «Старик, жизнь прекрасна!»

Лишь в получку одно раздражает,
Что не может со мной стопку выпить.
Зря я друга тогда посылаю
На коралловый остров Таити...

Жизнью правит великий порядок,
Всё случается не просто так.
Разделилась земля беспощадно
На любителей кошек-собак.

Как мой слух музыкальный страдает,
Замирая у сельских оград,
Лаю грубому предпочитаю
Изумрудный пронзительный взгляд.

И походку всезнающих сфинксов,
Как и я, презирающих рык, –
Моих мягких друзей-пацифистов –
Полосатых пушистых мурлык.

Что за псовая вечная мода –
Тишину рвать на сотни клочков?
И насколько язык благородней
У весенних поющих котов!

Это слышать мог каждый ребёнок
У начала житейских дорог:
Произносят с любовью – «Котёнок...»
И совсем с нелюбовью – «Щенок!»

Жизнью правит великий порядок...

март 2014 г.

Двум девчонкам на фоне вокзала
Видно, время печали пришло.
Та, что слева стоит, уезжала...
Я грущу с ними задним числом.

А на снимке: от рельс – так и жарит,
Рвётся в небо термометра столб...
За моим же окном – только таять
Начинает усталый сугроб.

Может быть, это поезд-разлучник
Начертил обязательный круг?
И сердца вновь согрел солнца лучик
У недавно печальных подруг.

И, возможно, звенит эта встреча
Хрусталём над весенним столом,
Чтобы мне на душе стало легче
От сочувствия. Поздним числом.

Небо всё в свинцовых дырах,
Листья с веток ветром сносит,
«Почему у нас в Сибири
За зиму сразу осень?» –

Дедушку спросили дети
У печурки в тёплом доме:
– Расскажи нам дед о лете,
О жаре, июльском громе».

Старика врасплох вопросом
Не застать, калач он тёптый, –
О клубнике на покосах.
Он начнёт раз в сто четвёртый.

О деревьях изумрудных
Под лазоревым навесом,
Раскалённых пляжах людных,
Там где яблоку нет места.

Дед светился, вспоминая,
Сбросив с памяти все гири.
Словно родом был из рая, –
Звался что ещё Сибирью.

июль 2013 г.

В краю моём он каждого достал,
Кикиморам болотным на потребу:
Дождливости докучливый оскал –
Над всем Кузбассом облачное небо.

За что нам этой сырости террор,
С жестокою блокадой-облаками?
Земля вечно-зелёных помидор
Всё лето протомилась под зонтами.

А, может, и жалела мокрота
Нас, сохраняя от шального солнца?
... Со стороны Уральского хребта
Не сладкий дым Отечества несётся.

*«Дождик, дождик, пуще лей –
Будет травка зеленей!»*

(Детская кричалка)

Эти звуки, лечащие душу,
Досыта когда же насладят?
Вот и снова на заре разбужен
Шепотом июльского дождя,

Тёплого, грибного, что стеною
Занавесил с улицы окно,
И текут берёзовой корою
Капли в сердце знойное моё;

Из больших божественных пробирок
Я прошу с запасом мне налить,
Ни в одной земной аптеке мира
Снадобья такого не купить!..

С крыши хлещет в бочки без рецепта
И бесплатно влага в три ручья.
Нет, не зря небесным фармацевтам
Громче всех молился в детстве я.

Что случилось сегодня с рассветом
За проснувшимся дачным окном?
Иероглиф берёзовых веток
Намекнул мне прозрачно о чём?
Да о том, чтобы из дому вышел,
На крыльце удивился теплу...
Что же я, как на паперти нищий,
Прижимаюсь ладонью к стеклу?
Не поймёт, кто не солнцепоклонник
Как обрадовал сердца и глаз,
Вдруг упавший на мой подоконник,
Долгожданного марта анфас...

Здесь никаких людских следов –
Земле дан отдых.
От вечных некогда садов
И огородов.

О чём-то шепчется с ручьём
Пучок крапивы,
Вода давно уже течёт
Не для полива.

Лишь ветерок качнёт порой
С весенним вздохом,
Куст над ничейной полосой
Чертополоха.

Невзрачный стебель отогнёт,
Седой усталый,
И солнца луч там вмиг найдёт
Цветочек алый.

Ему напиться только дождь
Даст временами.
Тюльпан, ты для кого цветёшь
Под сорняками?

Лето сникло, накинув пальто
На меху из густого тумана.
Мне улыбку последних цветов
Подарило из клумбы-кармана.

Я рассержен был, эти дары
Подслащённой пилюлей явились.
Ведь в одеждах, до нитки сырых,
Сотню дней моё тело томилось.

На лице лета – ветреный взгляд,
Знать, вины за собой не признало.
Но, как сердце щемит аромат
Этих влажных цветов запоздалых...

октябрь, 2010 г.

Вновь сентябрю
Советы дельные даю:
Что тучи с неба хорошо убрать бы.
И – удивительно!
Опять мне подают
Пожать на посошок ладошку бабую.
За облепихой снова
Угадал я пруд,
Туманом он, как марлей, занавешен.
А с сонной глади там –
Нет-нет, да и вспорхнут
Пернатые знакомые неспешно.
Гирлянды ягод
Так оранжево горят,
А я в вопросе плаваю насущном
О том, как много
Задолжал я сентяблям –
Давно ушедшим и, даст Бог, грядущим.

Дремал октябрь в складках золотых одежд,
Берёзам снять которых было жаль до слёз.
Ведь каждый лист на ветке – так пахуч и свеж,
И с неба ясного нет никаких угроз.

Какой волшебник добрый слякоть на засов
Закрыв, с лазури над домами ветер сдул,
И подарил нам солнца лишних сто часов,
При этом, месяцу не выставил прогул?

Всё нищета – перед сокровищем таким:
Народ не южный, что ещё тебе желать?
А люди хмурились, как будто бы они
Дары от осени устали принимать.

И вновь со дня на день не легче –
За окнами сырость с утра.
Напялил мой город на плечи
Любимый фасон октября.

Промозглого ветра накидка,
С дождём, с мокрым снегом – к лицу
Скрипучей садовой калитке,
И к морде – бродячему псу.

Тому, кто и летом всё хнычет,
Идя по цветам полевым...
Как цвет этот мрачный не личит –
Ни мне, ни внучатам моим.

Но скоро плащ с города снимут
Ладони метелицы злой,
И всё отстирают за зиму,
Замоченное белизной.

октября 2014 г.

Как каторжник оковами,
Довольный, не артачится –
Горда эпоха новая
Примочками собачьими.

На детях, дядях, тётеньках
Надет ошейник сотовый,
За поводок коротенький
Их дёргает всё кто-то там.

Условный знак доносится –
И шея напрягается,
Ладонь к виску торопится,
Как честь отдать, старается.

Прогресс – он так куражится
От мира электроники...
Пошить бы вот для каждого
Мобильные намордники!

*Кто-то невидимый неотступно, каждодневно
сворачивает нас на великий грех – мутить и за-
сорять Богом и Судьбой данное нам величай-
шее из богатств – наш родной язык.*

Любовь Скорик

Блажен, кто к этому привык,
Кто с языком заморским слился.
А я словцом с концовкой «инг»,
Как мёртвой жабой, подавился

Хриплю и кашляю до слёз
От чуждо-мutorного «кастинг».
Такое чувство, словно кость
Порвало горло на две части.

Всему виною стала лень:
Перевести на русский просто ...
Произнесу – не «секонхенд»,
А – забугорные обноски.

Как на голову снег
Среди жары июльской, —
Воронье карканье
В язык влетело русский

С какого ж это лба
Высокого упало,
Что русское — «гульба» —
«Корпоративом» стало?

За речь спокоен я,
Она отыщет способ,
Чтоб не пристала грязь
В костюмчике заморском.

Я — за богатство форм
И в птичьем мире дивном.
Но с некоторых пор
Вороны мне противны!

На сцене маленькая фея лет шести,
Читая стих, зал завораживая властно,
Срывала маски с лиц у строгого жюри,
Произносивших в восхищенье: «Это классно!»

Она молчала иногда, и вновь: «Сейчас,
Сосредоточиться б мне только, и я вспомню...»
И оторваться нет уж сил от этих глаз,
От губ, щебечущих про бабушку с любовью.

И снова прозой журчала ручейком,
Косноязычных судей загоняя в ступор.
Казалось, барышне Тургенев был знаком,
А от столов опять восторженное: «Супер!»

Оценка Элки Людоедки без затей,
Но мне подумалось: «Нет, вовсе не напрасно,
Сверкала речью яркой девочка своей
Над нищетою их словарного запаса».

Не было такой в веках
Безъязыкой детворы.
Всюду – смертная тоска
«Героической» поры.

Снова время наводит
На конюшнях чистоту,
Заставлять детей любить
Русской речи красоту.

Нужный мне ответ – приснишь,
Хоть на парочке страниц:
Как от гаджетов спастись,
ЭС-эМ-эСочек – убийц?

Кто бы ни был тот злодей,
Превратить он всё же смог
В скудоумие людей
Электронность скудных строк.

сентябрь, 2016 г.

После Белого хочется Фета,
Аполлона бы Майкова с ним –
Так, как жаждется тёплого лета
После долгой капризной весны.

Тяжело, находя в книгах друга,
Поливая слезой мрачный стих,
Наблюдать, как эпоха-зверюга
Пожирает поэтов своих.

Испытав беспросветность и горе,
Волкодавочью пасть перед собой –
Сыт Серебряным веком по горло,
Покупаю билет в Золотой!

Дальше, в прошлое, сквозь все разрухи
Устремляюсь я, как пилигрим...
Выбор есть: либо к Тютчеву – в Мюнхен,
Или же к Баратынскому – в Рим!

Вишнёвый сад 2

В честь Чехова решил
Я вишню посадить,
Увидя рубку на экране.
Сад цеховой разбил,
Чтоб пьесу повторить,
Но без топорных корчеваний.
Чтоб сочною была,
Её я подкормил,
И вряд ли Палыч рассердился б,
Что вместо: «Жизнь прошла,
А вроде бы не жил»
Пою:
«Поспела вишня дяди Фирса».

Гладиаторы литературы

Вся моя доктрина терпит крах,
Зря на молодость ярлык наклеил:
Будто нынешние на словах
Двум собакам сена не разделят.

Ведь от эсэмэсок дуба дал
Наш великий Русский разговорный...
В каждом городе, как с древних скал,
Не слова – рисунки на заборах.

Думал я об этом лишь вчера,
Но сегодня близок был к инфаркту:
Выдали такое «на-гора»
Элки Людоедочки внучата...

Словно после засухи – к дождю
Я припал к поэзии высокой.
Вспоминал их маленький дебют –
Первые на стенках лифта строки:

Ранец за спиной, мелок в руке,
Одухотворённейшие лица,
Как они писали в уголке:
«Мух не бейте, ведь они – как птицы!»

Снова с пацанами я на «ты»,
Вновь изнемогаю, как от жажды,
Не топчу, не порчу борозды,
С ними, пристяжным, бегу в упряжке.

А. С. Пушкину

Блаженство: являться
Волшебником слова,
Когда от тебя нет
Замка никакого.

У женской шкатулки
С названием сердце,
Что просится в руки
Твои отогреться.

В письме можно мило
Дружкам признаваться:
Шкатулочек было
Всего сто тринадцать.

Учил нас Сергеич,
Как просто стихами
Проникнуть в сердечко
К любой гордой даме.

Перечитывая классику

(К 190-летию Л. Н. Толстого)

Гром над школой грохотал.
Нас жалея словно...
Педагог на лето дал:
«Прочитать Толстого».

Чтоб каникулы спаслись,
Не накрывшись тазом
Медным, мы пошли на риск,
План придумав классный:

Поделили вдоль и вширь
«Гулливера-книжку»:
Девочки – читают «Мир»,
Про «Войну» – мальчишки.

Год тот, век – укрыл туман...
Став седым мужчиной,
Я решил зайти в роман
С «женской» половины.

Толстый том мой шелестел,
Волновал, зараза...
Зря я взрослым поглядел
На Ростове глазом.

Натали – мечту мою,
Как на сеновале, –
Прямо в оперном ряду
Перевербовали:

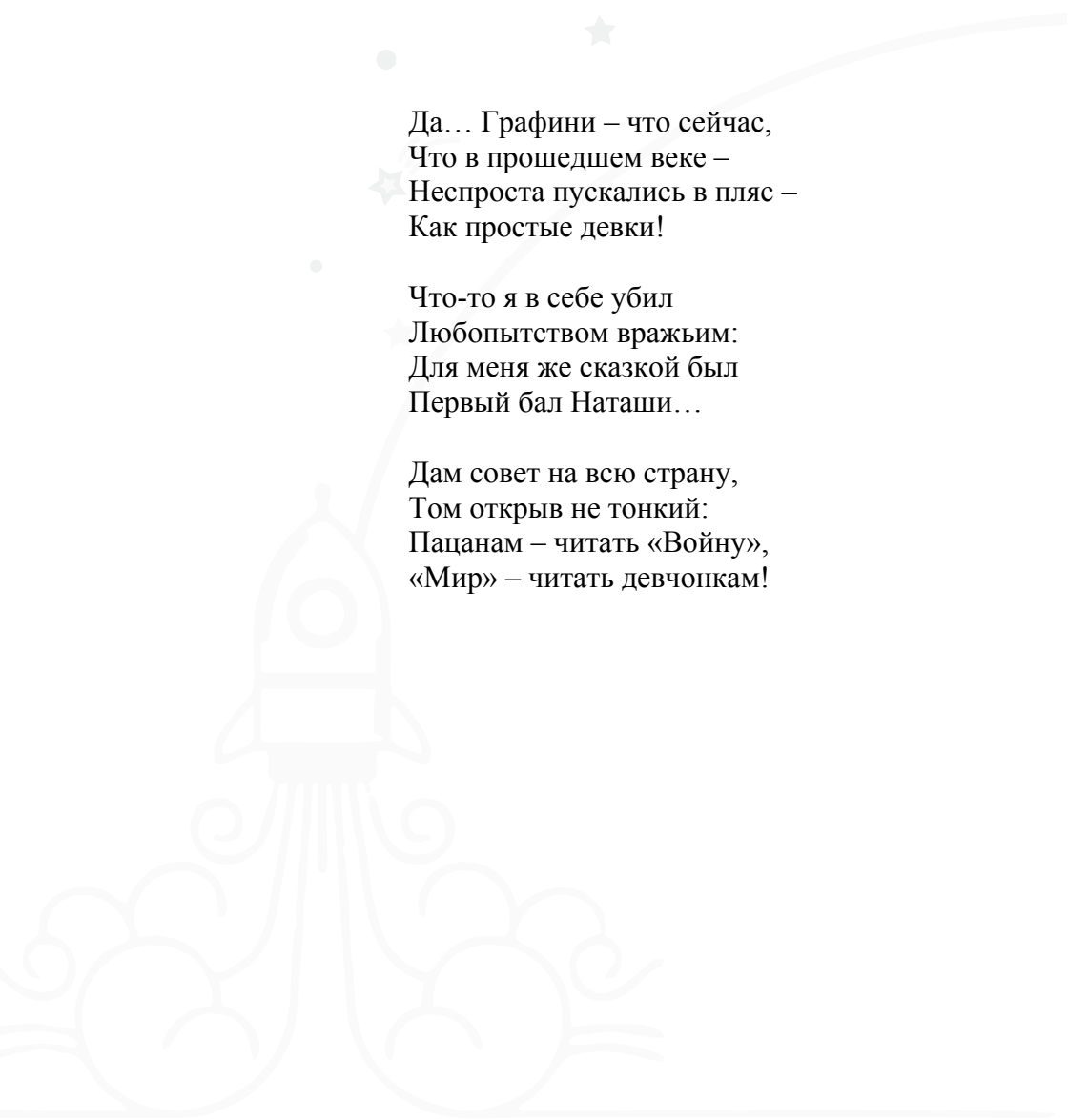
В пять минут Курагин-змея
Завладел Наташей...
И она в письме: «Андрей! –
Вскрикнет: – Я не Ваша!»

Хороша... Что говорить...
Опыта – ни грамма.
Да успеет оградить
От побега мама

Вот уж дом её – тюрьма,
Истерит девица:
«Нет, не стойте, мама,
Вы – его мизинца...»

Дочерей слепых слова
Вечно будут в моде...
Но ведь двести лет назад
Страсти происходят!

Да... Графини – что сейчас,
Что в прошедшем веке –
★ Неспоста пускались в пляс –
Как простые девки!

Что-то я в себе убил
★ Любопытством вражьем:
Для меня же сказкой был
Первый бал Наташи...

Дам совет на всю страну,
Том открыв не тонкий:
Пацанам – читать «Войну»,
«Мир» – читать девчонкам!

К 190-летию Л.Н. Толстого

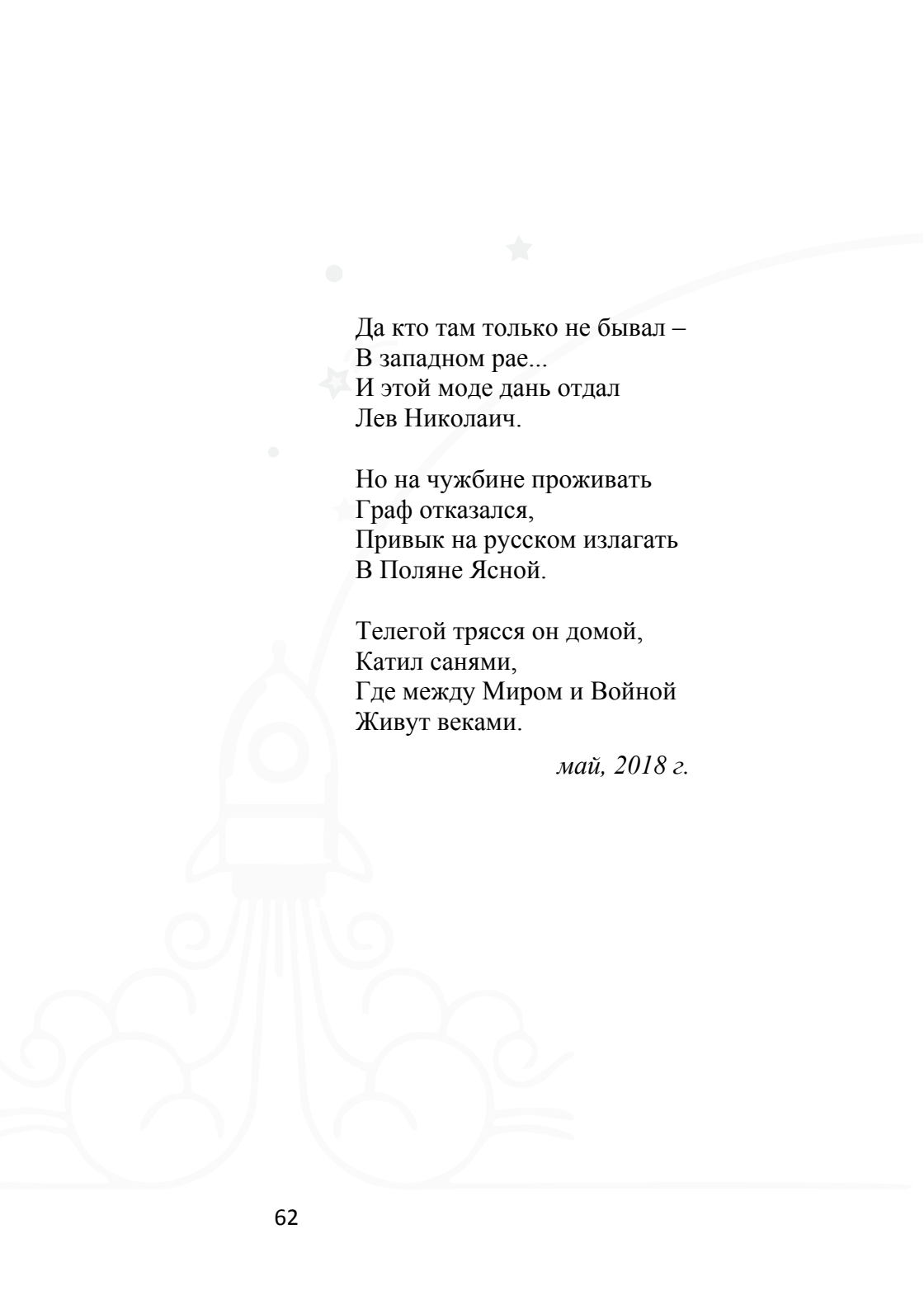
В защиту Гоголя – письмо,
И суд короткий.
И едешь ты ... нет, не домой,
А за решётку.

Да это ж – нищему сума,
А клетка – птице.
Поэтов делали тюрьма
И заграница.

Вот Тютчев – в Мюнхене творил,
Стих слал по почте.
И Герцен в Лондоне звонил
В свой «колокольчик».

А в Риме Гоголь сочинял
«Мёртвые души».
И продолжение сжигал –
Так было лучше.

И Достоевский проиграл
В Бадене – «мелочь»,
Чтоб отыгаться – занимал
Иван Сергеич.

Да кто там только не бывал –
В западном рае...

И этой моде дань отдал
Лев Николаич.

Но на чужбине проживать
Граф отказался,
Привык на русском излагать
В Поляне Ясной.

Телегой тряся он домой,
Катил санями,
Где между Миром и Войной
Живут веками.

май, 2018 г.

Толстой в декабре

«Лучше поздно, чем никогда»

(Русская пословица)

Год литературы на исходе.
С пыльных полок – классиков срочно!
По России Толстого тень бродит,
Над читателями хохочет,

Над листающей книжку – оравой,
Взводом, ротою, просто толпою.
Чтоб прочесть всё – поделены главы –
Между космосом и забоем.

Видно, снова с высокой подсказки
Раскалили все телеэфиры...
Бьётся в судорогах декабрьских
Мой народ меж «Войною и Миром».

Но проходит лишь день рождения –
Позабыт Лев Поляны Ясной...
И уже наступает время
Для знакомства с «Гнездом дворянским»!

апрель, 2018 г.

*Я ж на всю честную Русь
Прокричал, смеля,
Что к врачам не обращаюсь,
Если заболею...*

Ярослав Смеляков

А в старости пишется прозой.
Срубив над поэзией крест,
Я бьюсь над извечным вопросом:
Где прав поэт? – Там или здесь?

В одном месте просит дорогой
Ему голову бинтовать,
В другом – фельдшерицею строгой
Укладывается на кровать.

В стихах – никакого обмана,
Мечтаю и я иногда,
Чтоб кто-нибудь окна туманом
Задёрнул и мне навсегда.

Есть выбор! И это – бесспорно.
Пробраться как в вечности дом?
Больничным идти коридором,
Иль всё-таки – Млечным путём?

апрель, 2018 г.

Дед на каруселях

Опять обрадовал рассвет
Осколком денег пенсионных.
И улыбается вновь дед,
Со внучкой мчась к аттракционам.

Кататься в парке – тот же труд.
Кричит старик своей красотке:
– На карусели наш маршрут,
Давай, вздохматим пятисотку.

Крутил бы сам над головой
Он облака, как акробатов,
Да не в ладу давно седой
С вестибулярным аппаратом.

Девчушку кружат, не спеша,
А дед, как в детстве снова лётчик,
Его на лавочке душа
Визжит от страха и хохочет.

июль, 2014 г.

Юным ораторам

Их длинным предложением не путай,
Работают ребята на трёх кнопках,
Написано на них: «Класс!», «Супер!», «Круто!»
Но чаще всё же ёмкое: «Я – в шоке!»

Зато для неприятельского штаба
Им послужить не светит «языками»:
Из сложных реплик скажут лишь: «Я – как бы»
Или «Иду – «Такой», или – «Такая».

май, 2018 г.

Арине

А годы, как положено, летят.
Ещё вчера мы с внучкою играли.
На томик томик, бережно кладя.
Из книжек пирамидки составляли.
Друзей моих давнишних славный ряд
Мою девчушку маленькую знает.
Смеюсь я, коль с экрана говорят,
Что молодёжь сегодня не читает.
Отнюдь не для компьютерных забав
У полок книжных подрастает смена.
Я радуюсь! Она, Крылова взяв,
Спросила: «Дед, а нет ли Лафонтена?»

апрель, 2014 г.

★ Дарите книги малышам
И в праздники, и в будни.
Бумагой дайте пошуршать
Вы самым близким людям...

★ Ребёнок пусть у вас возьмёт
Подарок этот дивный,
Ладошкой нежной проведёт
По корочке с картинкой.

Пусть он компьютера экран
На время позабудет...
Дарите книги малышам –
И в праздники, и в будни!

СОДЕРЖАНИЕ

«Отодвинув привычно штакетник...».....	6
«Отложив в сторонку книгу...»	7
Моей первой учительнице	9
Каникулы	10
Зимние каникулы.....	11
Я сам себе юным приснился.....	12
«Разве может выразить язык...».....	13
«А бывает – в июле по коже мороз!..»	14
В пионерлагере	15
«Как в детстве бежали ребята...»	16
«Я рвался к ней, минуя лавочки, фонтаны...».....	17
«Как птицы, пойманные в клетке...».....	18
«Помню, в школе текли бесконечно...».....	19
«Акулы, спруты, голубые скаты...»	21
Русский бриг «Меркурий»	22
«Урок к звонку катил на тормозах...»	24
«Над рекою дом из сруба...»	25
«От горна звучного над задремавшим лесом...»	26
Рафаэль в нагрузку	27
«На бабочку сквозь микроскоп глядеть...»	28
Детсадовское	29
«Как жадно в детстве я просил, чтоб обратили...»	30
«Я со внучкой, не скучая...»	31
Наблюдаю в детсаду	32
«Я от него о жизни многое узнал...»	33
«Я у дядьки на скамейке...»	34
«По голой роще...».....	35

В лифте	36
«Он такой, как в мультфильме про Кешу...»...	37
«Жизнью правит великий порядок...»	38
«Двум девчонкам на фоне вокзала...»	39
«Небо всё в свинцовых дырах...»	40
«В краю моём он каждого достал...»	41
«Эти звуки, лечащие душу...»	42
«Что случилось сегодня с рассветом...»	43
«Здесь никаких людских следов...»	44
«Лето сникло, накинув пальто...»	45
«Вновь сентябрю...»	46
«Дремал октябрь в складках золотых одежд...»	47
«И вновь со дня на день не легче...»	48
«Как каторжник оковами...»	49
«Блажен, кто к этому привык...»	50
«Как на голову снег...»	51
«На сцене маленькая фея лет шести...»	52
«Не было такой в веках...»	53
«После Белого хочется Фета...»	54
Вишнёвый сад 2.....	55
Гладиаторы литературы	56
«Блаженство: являться...»	57
Перечитывая классику	58
«В защиту Гоголя – письмо...»	61
Толстой в декабре	63
«А в старости пишется прозой...»	64
Дед на каруселях.....	65
Юным ораторам	66
«А годы, как положено, летят...»	67
«Дарите книги малышам...»	68

**ББК 84(2Р=Рус)6
Ч-49**

12+

Литературно-художественное издание

ЧЕРНОПЯТОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

**ЧЕРЕЗ ПОРОГ
ПЕРЕШАГНЁШЬ,
КАК КОСМОНАВТ...**

С Т И Х И

Для детей среднего школьного возраста

*Подписано в печать 15 февраля 2019 г.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 200 экз.*

**Отпечатано в типографии РПА «Ректаймс».
650001 г. Кемерово, ул. Черемховская, 1В.
Тел.: (384-2) 76-87-44**